

Содержание

<i>История первая.</i> Убийство в танцевальном зале.	
Перевод А. Слащевой	3
<i>История вторая.</i> Преступление в запертой	
комнате. Перевод А. Слащевой.	42
<i>История третья.</i> Загадка секты. Перевод	
А. Слащевой.	77
<i>История четвертая.</i> Отверженные. Перевод	
А. Палагиной	111
<i>История пятая.</i> Семья воришек. Перевод	
А. Палагиной	161
<i>История шестая.</i> Жемчужины, повидавшие	
кровь. Перевод Е. Кизымшиной.	205
<i>История седьмая.</i> Игра под камнями. Перевод	
Е. Кизымшиной	254
<i>История восьмая.</i> Тайна Часовой башни.	
Перевод Е. Кизымшиной	318
<i>История девятая.</i> Особняк, скрытый под маской.	
Перевод А. Аркатовой.	362
<i>История десятая.</i> Ухмылка демона. Перевод	
А. Аркатовой	406

История первая.

Убийство в танцевальном зале

За черный дощатый забор особняка, принадлежащего Кацу Кайсю¹ в Хикаве, прошел Тораноскэ Идзумияма, мечник из Кагуродзаки. Хоть он и жил в нынешние просвещенные времена — шел 18-19-й год Мэйдзи², — была у него слабость — напившись, представляться Татибана-но Токиясу и целовать служанок в щечки.

В детстве Тораноскэ учился у Кайсю фехтованию. В ту пору Кацу Кайсю не получил еще пост от бакуфу и, будучи весьма беден, добывал пропитание с помощью кэндо и «голландских наук». Спустя два года Кайсю стал чиновником, да вдобавок весьма занятым, поэтому передал Тораноскэ, который учился в четвертом классе нынешней начальной школы, другому учителю — Ямаоке Тэссю. С тех пор он изучал фехтование у Ямаоки, а теперь открыл собственное додзё³ в Кагуродзаке — правда, особой популярностью оно не пользовалось.

¹ Кацу Кайсю (1823–1899) — японский государственный деятель, инженер и морской офицер периода позднего сёгуната Токугава и начального периода Мэйдзи в Японии. «Кайсю» — прозвище, настоящее имя — Ёсикуни. — Здесь и далее примечания переводчиков.

² Мэйдзи — период в истории Японии с 1868 по 1912 г. 18-19-й г. соответствует 1885–1886 г.

³ Додзё — место для медитации и тренировок.

Тораноскэ уселся в ротанговое кресло у входа в особняк Кайсю и задумался, схватившись за голову. Такую он имел привычку — приходить к Кайсю, когда что-то его тревожило, садиться в это кресло и хвататься за голову. Поэтому кресло расшаталось, ножки еле держались — Тораноскэ был крупным.

Примерно через несколько минут раздумий Тораноскэ поднялся. Он попросил служанку доложить о его приходе. Та ударилась, вскоре вместо нее вошла другая прислужница Кайсю, по имени Които, которая пригласила его внутрь. Они миновали приемные в двенадцать и шесть дзё, где стояли столы и стулья в западном стиле. Во времена хатамото¹ они использовались на официальных приемах. В токонома² висела картина маслом с изображением дракона кисти Кавамуры Киёо. С ними соседствовала маленькая комната, известная как «Кабинет Кайсю» — прежде он работал здесь и часто вел тайные беседы с Нансю — Сайго Такамори и Кото — Окубо Тосимити. Справа тянулся длинный коридор в пять кэнов³, за которым располагались комнаты в шесть и восемь дзё⁴. К ним примыкали чайная комната в три татами⁵ и амбар.

¹ Самурай, находящийся в прямом подчинении сёгуната Токугава в феодальной Японии.

² Токонома — альков или ниша в стене традиционного японского дома.

³ Кэн — японская мера длины, равная 1,81 м. Пять кэнов, соответственно, около 9 м.

⁴ Дзё — японская мера длины, равная 3,03 м. Шесть и восемь дзё, соответственно, около 18 и 24 м.

⁵ Татами — японский мат, размер которого используется для измерения площади комнаты. Один татами равен примерно 1,62 кв. м. Три татами, соответственно, равны 4,86 кв. м.

К счастью, сегодня других посетителей не было. Кайсю выглядел элегантно, но сидел, скрестив колени и говорил грубо, как настоящий токиец.

— Эй, Тора! Как поживаешь? У фехтовальщиков как всегда по горло дел?

— Дел много. Но и мать, и отец, и дети — все семеро — не голодают.

— В Кагурадзаке пьяный головорез явился. На тебя похож, говорят.

— Все враки!

— Впивается в женские шейки, да щеки облизывает. Теперь в Кагурадзаке после восьми часов женщины и на улице не показаться. Барышни и молодые жены уже дрожат со страха и уповают на Синдзюро. А слепая массажистка О-Гин¹ вообще говорит, что ты, Тора, сам вцепляешься в шею похуже царя ада Эмма. И злится.

— Стыдно признаться, виноват, но не настолько. Впрочем, сегодня я пришел за вашим мудрым советом по поводу Юки Синдзюро.

— Что случилось?

— Чрезвычайное происшествие. В газетах запретили о нем писать. По всей стране разъехались соглядатаи, а правительство проводит совещание с участием самого императора.

¹ В период Эдо и ранее к женским именам часто добавлялась приставка о-, происходящая из придворной речи как форма уважения или изящности. В эпоху Мэйдзи распространилась мода на добавление иероглифа -ко — «ребенок») в конце имен, что придавало имени аристократический и современный оттенок. В переходный период встречались имена с обеими формами, например, О-Тамико.

Как всегда, Тораноскэ привирал, но не там, где речь шла о совещании с участием императора. Кайсю удивился.

— Война, что ли, началась?

— Нет, вчера около восьми вечера на балу-маскараде убили дельца Кано Гохэя. На том вечере присутствовали министры и послы, а также Цусима Тэнроку и Канда Масахико.

Кайсю, обычно непоколебимый, вдруг замолчал и на мгновение задумался. И его удивительный разум — острый как клинок, быстрый как стрела, точный как микроскоп — тоже озадачился этим серьезным делом.

Самая важная закавыка заключалась вот в чем. В те годы у Японии не было настоящей промышленности, и правительство задумало рискованный проект. В стране выплавляли меньше тысячи тонн стали в год, и хотя уж десять лет как запустили паровозы, сталь все еще импортировалась. Япония сама не могла производить «орудия цивилизации». А чтобы стать цивилизованной страной, необходимо развивать промышленность. Однако требовался капитал. Крупные японские буржуа хотели заниматься торговлей, морскими перевозками и прочими делами, приносящими легкий доход, а крупная индустрия, которая требовала усиленных вложений капитала, оборудования, лучшей технологии и многолетних исследований, никого не привлекала.

Тогда обеспокоенное правительство решило в качестве первого шага на пути к цивилизации построить металлургический завод. Средств на это не было, поэтому планировалось занять пять миллионов фунтов у страны X. Пять миллионов фун-

тов — это пятьдесят миллионов долларов. По нынешнему курсу это астрономическая сумма, эквивалентная примерно тремстам миллиардам иен.

Однако были и государства, которые не радовались развитию промышленности в Японии. Яркий тому пример — страна Z. Там опасались, что усиление Японии как индустриальной державы вызовет панику на их рынках.

Тогда премьер-министр (назовем его так, дабы не выдать исторические факты) задумался. Постройка полностью государственного металлургического завода вызовет международную сенсацию. Если выделить часть завода и передать частным лицам, тоже выйдет нехорошо. Оставалось только полностью частное строительство — и к счастью, нашелся подходящий человек, крупный торговец Кано Гохэй, заинтересованный в развитии машиностроения. Так что было решено поручить этот проект ему.

Впрочем, это являлось формальностью — заем в пять миллионов фунтов фактически гарантировало правительство, и оно же целиком погасило бы его, то есть проект был государственный. Страна X видела врага в стране Z, поэтому не возражала бы, если бы Япония, благодаря промышленности, смогла хоть немного подорвать позиции Z на Востоке. Так между Японией и страной X начались тайные переговоры.

Однако пять миллионов фунтов — сумма колоссальная, а международные дела — вещь весьма деликатная. Даже учитывая вражду со страной Z, никто не хотел лишний раз навлекать на себя гнев другого государства. Поэтому страна X проявляла

крайнюю осторожность и никак не соглашалась просто выдать пять миллионов фунтов.

В безрезультатных переговорах прошли почти полгода, пока страна Z не раскрыла этот секретный сговор и не увидела всю подоплеку.

Тогда страна Z решила отомстить, но вместо того, чтобы открыто предостерегать Японию или протестовать против страны X, она поступила иначе. Япония закупала у X бумагу, нефть и хлопок (опять же, как и в случае с титулом премьер-министра, настоящие продукты скрыты и товары названы наугад), что приносило X огромные прибыли. Поэтому Z в отместку решила организовать поставки этих товаров в Японию по дешевке из других стран, а заодно способствовать развитию крупной бумажной, нефтеперерабатывающей и хлопкопрядильной промышленности в Японии.

Страна Z вела тайные переговоры об этом не с премьер-министром Уэдзуки Дзэнки, а с его политическим соперником Цусимой Тэнроку, который считался сильным кандидатом на следующий срок. Тэнроку происходил из княжества, правители которого противостояли клану Уэдзуки. Посол Z, Франкен (имя, разумеется, вымышленное — настоящее могло бы выдать страну), тайно пригласил Тэнроку и сделал ему следующее предложение: «Мы дадим вам пять миллионов фунтов. Разверните крупное производство бумаги, нефтепродуктов и хлопка. Сырьем и зарубежными рынками сбыта обеспечим. Поскольку политику напрямую заниматься этим неприлично, оформите все как частное предприятие дельца Канды Масахико. Формально это будет заем, а когда вы станете премьером, офор-

мим все как официальный государственный договор».

Тэнроку весьма обрадовался. О такой просьбе он мог только мечтать. Он тут же вызвал Канду Масахико и передал ему разговор. Канда, могущественный делец, соперничал с Кано Гохэем: тот поддерживал Уэдзуки, а Канда — Тэнроку. Такие предложения поступают раз в жизни. Услышав его, Канда обрадовался еще больше, чем Тэнроку.

Так началось противостояние двух группировок, и вскоре тайное стало явным — слухи о закулисных интригах достигли политиков, и даже Кайсю уже был в курсе.

И сейчас, когда X и Z открыто противостояли, казалось логичным, что X, из духа противоречия, легко пойдет на просьбу правительства Японии и даст пять миллионов фунтов, но они тянули время. Причины были весьма разные, но в народе ходили слухи, что посол X, Чалмерс, увлекся дочерью Кано Гохэя — О-Риэ (ей тогда сравнялось восемнадцать) — и намекнул о своих чувствах премьер-министру Уэдзуки. Оба, Уэдзуки и Гохэй, обливаясь потом, уговаривали О-Риэ проявить благосклонность, даже унижались перед ней, но та наотрез отказалась, причем в выражениях, не совсем подобающих выпускнице Гакусюин:

— Знаете что? Приходите-ка позавчера!

На самом деле страна X обеднела из-за внутренних неурядиц и не могла позволить себе еще и конфликт со страной Z. Но в те годы винили во всем О-Риэ.

Ходил даже следующий анекдот. Чтобы уломать девушку, надо, как в дипломатии, иногда поболтать

о том о сем, поэтому Дзэнки показал ей драгоценную восковую спичку и сказал:

— Это импортный фосфор, спичка, подарок посла Чалмерса. В отличие от японских, зажигается от чего угодно. Редкость даже на Западе!

Он дал одну О-Риэ, а вторую чиркнул о подожву своего ботинка, демонстрируя, как она загорается.

— О, какая диковинка! Дай-ка, дядя!

О-Риэ, сверкая глазами, вскочила со стула, в мгновение ока схватила Уэдзуки за лысину и с силой чиркнула спичкой о его голову, но, вопреки ожиданиям, та не загорелась.

— Вот обманщик! — воскликнула О-Риэ и отбросила спичку.

Уэдзуки, за свой вспыльчивый нрав получивший прозвище Министр Гром, в этот раз проявил невероятное терпение, и, даже несмотря на след от спички на лысине, только улыбнулся.

Переговоры то ли зашли в тупик, то ли близились к завершению — и как раз в этот момент Кано Гохэя убили. Причем на балу в собственной резиденции.

Бал в доме Гохэя, возможно, тоже был частью плана. После того как Франкен пригласил Тэнроку и Канду, Гохэй стал заметно нервничать. По слухам, он каждую ночь тайно посещал комнату дочери, падал на колени, плакал и умолял ее уступить.

— Ненавижу я эти проклятые балы, — мрачно пробормотал Кайсю, не в силах разобраться в этом клубке загадок. — Странно, что все ключевые лица собрались в одном месте. Хотя, возможно, странность не в этом, а в том, что бал проходил в доме

Гохэя. Если я потороплюсь с выводами, Синдзюро только посмеется. Расскажи-ка лучше все по порядку. И постараися не перепутать, каменная башка!

— Слушаю и повинуюсь! — Тораноскэ, полный решимости, почтительно поклонился. У него был давний счет и к Синдзюро, и к Хананое Инге — и теперь, с помощью Кайсю, он надеялся задать им перцу. Поэтому, собравшись с мыслями, он медленно и обстоятельно повел рассказ.

* * *

Изначально костюмированный бал собирались проводить в Рокумэйкане. Однако Гохэй, следуя духу времени, выстроил прекрасный банкетный зал и несколько раз уже использовал его по назначению, однако в глубине души считал, что он недостаточно хорош для большого приема с министрами и иностранными послами. Воспользовавшись советом, он решил устроить бал в своем особняке. Гохэй понимал, что хотя его зал и уступает Рокумэйкану, но и недостойным его назвать нельзя, и втайне был вполне доволен.

Жену Гохэя звали Ацуко, она была дочерью знатного даймё¹ и ей минуло двадцать семь лет. Само собой, она приходилась мачехой О-Риэ. Настоящая мать О-Риэ умерла от болезни, оставив после себя дочь и сына Мантаро. Мантаро учился в Кембридж и только что вернулся на родину. Этот

¹ Даймё — титул феодальных правителей Японии, которые управляли крупными землями в период с XII до XIX в. В своих регионах они обладали значительной властью, как политической, так и военной. Даймё управляли территориями, собирали налоги и содержали собственные армии.

бал-маскарад, хотя формально и не считался таковым, втайне задумывался Гохэем как праздник в честь исполнения заветного желания — возвращения Мантаро на родину и представления его обществу как настоящего японского джентльмена. Главной целью было именно семейное событие, хоть и не афишируемое, и Гохэй постепенно пришел к мысли, что благоразумнее будет устроить бал в доме, а не в Рокумэйкане.

Утром О-Риэ позвали к Ацуко. Та обычно вставала только после полудня, никогда не завтракала вместе со всеми и не провожала мужа, Гохэя, на службу.

— В какой костюм ты нарядишься сегодня вечером? — спросила Ацуко у падчерицы.

— Я не собираюсь наряжаться.

— А маску наденешь?

— Нет. Не люблю маски. И балы тоже терпеть не могу. Поэтому сегодня вечером я пойду с друзьями на урок верховой езды.

Какая нелепость! Ацуко, дочь даймё, обладала властным и резким характером. Она мгновенно закипела, словно собиралась ударить О-Риэ, и ее глаза вспыхнули зловещим свинцовым блеском.

— Твой костюм уже приготовлен. Ты будешь Венерой в купальне, как на известной западной картине. Когда Мантаро-сама вернулся из-за границы, он привез терракотовую вазу. Ты накинешь на себя длинную мохнатую накидку, возьмешь вазу и будешь грациозно прогуливаться по берегу, будто ищешь уединенное место для купания. А потом...

Тут Ацуко уставилась на О-Риэ так, словно собиралась испепелить ее взглядом:

— Если господин Чалмерс возьмет тебя за руку — а он будет одет как мусульманский султан, — ты проведешь его в тихую тенистую часть сада, достанешь из вазы виски и угостишь его!

Что за странная картина — Венера в длинной мохнатой накидке и султан в одеяле на голое тело, пирующие на лужайке! Хуже не придумаешь — ведь одно неосторожное движение, булавка соскользнет и оба, как в стриптизе, окажутся голыми.

Ацуко, конечно, не была приспешницей Дзэнки или Гохэя, но стоило ей внезапно втянуться в это дело, как тут же проявился ее высокомерный и своевольный нрав дочери даймё.

— А я... А я достану из вазы кобру! — О-Риэ сверкнула глазами на мачеху, ловко увернулась и убежала.

Однако Ацуко, как дочь даймё, унаследовала у поколений предков бдительный дух и поныне не забыла, как окружить себя соглядатаями, назначить сторожа и подослать шпиона. Она расставила верных служанок на всех ключевых постах, и О-Риэ не удалось сбежать.

Гохэю следовало вернуться пораньше, чтобы принять гостей, но его все не было. Когда собралось уже около половины приглашенных, он наконец примчался на рикше, запыхавшийся и взъерошенный, и ввалился через черный ход.

— Фух, чуть привидение не испугало! Да не может быть, что он жив!.. — Вытирая пот со лба, он пробормотал что-то загадочное, затем наспех проглотил три чашки риса, переоделся в носильщика из Хаконэ и ворвался в бальный зал. Можно сказать, что он мастерски вжился в образ, но ему было

не до актерства. Ладно неуважение к гостям — он подвел своего напарника. А именно: начальника столичной полиции Хаями Сэйгэна. Этот здоровенный детина, которому предстояло стать вторым носильщиком, ждал Гохэя у паланкина и уже терял терпение. Вспыльчивый и грубый, этот пьяница идеально подходил на роль душителя воров — а на международной арене неизменно позорил страну. При этом он обожал приемы и, если ему запрещали появляться в обществе, впадал в смертную тоску, поэтому его приглашали.

Когда Гохэй наконец примчался, Сэйгэн, оставив носилки в тени, стоял не у главного входа, а у черного, через который вносили блюда прислужницы, и останавливал их, нагло выпрашивая выпивку и закуски. Увидев Гохэя, он рявкнул:

— Эй! Пришел! Пришел уже! Бери давай передние оглобли! Я задние возьму. Только смотри, музыков не сажай! Только красоток! А если мужика сунешь — я его выкину, запомни!

Вот такой был начальник столичной полиции.

— Взяли! — снова гаркнул Сэйгэн, и они вдвоем подхватили паланкин и влетели в бальный зал.

Премьер-министр Дзэнки, облаченный в доспехи и шлем, с жезлом полководца в руке, выглядел весьма солидно, но на самом деле то и дело поглядывал на Чалмерса, нервничая: «Где же О-Риэ? Что она задумала? Когда появится?» Он просто не находил себе места от нетерпения.

Чалмерс тоже казался раздраженным, но Тэнроку, переодетый синтоистским священником, заметил это и словно в насмешку не отходил от него ни на шаг и мучил своей болтовней.

На Франкене из карнавальных атрибутов была только маска. Ацуко, также в маске, танцевала с ним. Канда Масахико, вероятно, тоже находился поблизости, но в каком образе — неизвестно.

Дзэнки, не выдержав, подозревал Гохэя-носильщика:

— Где О-Риэ? Я ее до сих пор не вижу!

— А? Нет-нет, она уже должна быть здесь...

Может, вы просто не заметили ее?

— Вздор! Я битых полчаса ищу ее и не вижу!
Или... с вами что-то не так?

На лбу Гохэя выступил холодный пот, дыхание стало затрудненным. Однако он лишь слабо улыбнулся:

— Нет-нет, это я просто запыхался, таская паланкин. Насчет О-Риэ я сейчас все выясню.

Он подошел к Ацуко, танцующей с Франкеном, задал ей вопрос и, вернувшись, доложил:

— Говорят, скоро появится.

— Что ж, хорошо.

Дзэнки, успокоившись, вернулся к себе.

И именно в этот момент появилась О-Риэ. Как и приказала ей Ацуко, она была в костюме Венеры из купальни и держала в руках вазу. Улыбаясь и спокойно оглядывая зал, она направилась к Чалмерсу. Когда до него оставалось всего три шага, она вдруг почувствовала, как что-то коснулось ее, и взглянула на руку, в которой держала вазу.

— А-а!..

Из уст О-Риэ вырвался короткий пронзительный крик, будто ее рассекли пополам. Из вазы выползла змея и обвилась вокруг ее руки.

О-Риэ выпустила вазу из рук. Та упала и разбилась. Сама девушка, пошатываясь, рухнула прямо на осколки.

К ней бросились люди. Чалмерс подхватил ее на руки. Змею растоптали. В зале поднялся шум, все кричали и ругались. Но в этот момент...

— Э-эй! Врача! Позовите врача!

В дальнем углу зала, вдали от толпы, окружившей О-Риэ, раздался громкий голос.

Когда люди обернулись, они увидели здоровенного носильщика, который бросил паланкин и метался в растерянности. Рядом стоял одетый в черное монах-комусо с корзиной на голове — он выпустил из рук сякухати¹ и подхватил второго носильщика.

Кано Гохэй был убит. Прямо на глазах у начальника полиции.

Хорошо хоть, что верзила Сэйгэн помнил о своих обязанностях блестителя порядка.

— Господа! Тишина! Ти-ши-на!

Хотя, если честно, больше всех кричал и паниковал именно он. Сэйгэн размахивал руками, словно пытаясь остановить бурный поток реки Оои, и командовал:

— Никому не двигаться! Ни-ко-му! Произошло тяжкое преступление! Пока не прибудут врач и детектив, все остаются на своих местах!

К счастью, особняк Кано находился в районе Ярай-тё в Усигоми. У Сэйгэна оставалась лишь одна надежда — джентльмен-детектив Юки Синдзюро. А тот жил рядом, в Кагурадзаке².

¹ Сякухати — продольная бамбуковая флейта, пришедшая в Японию из Китая.

² Кагурадзака — квартал Токио, расположенный в районе Синдзюку.